ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 070
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-399-414
EDN FSZOYC

Объяснительная журналистика в мультимедийных форматах (на примере российских СМИ)

Болдина К.А.
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Россия, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37
ya@kboldina.ru

Аннотация. Объяснительная журналистика, ориентированная на раскрытие причинно-следственных связей и контекстуализацию общественно значимых явлений, приобретает особое значение в условиях информационной перегрузки и распространения дезинформации в цифровой среде. Однако в российском научном дискурсе данное направление не получило самостоятельного терминологического и концептуального оформления. Целью исследования является выявление характерных черт объяснительной журналистики в мультимедийных форматах российских средств массовой информации. Исследование выполнено в два этапа. На первом этапе по итогам обзора зарубежных и отечественных работ сформулировано определение объяснительной журналистики и выделены пять ее признаков: тематическая и техническая сложность предмета, развитая внутренняя структура, многоформатность подачи информации, гипертекстуальность и опора на экспертное знание. Эти признаки использованы как критерии отбора на втором, эмпирическом, этапе. Методом контент-анализа изучены 343 редакционных мультимедийных спецпроекта четырех российских СМИ, опубликованные в 2014–2025 годах, из которых 46 материалов содержат объяснительный компонент. Выявлены характерные черты объяснительной журналистики российских СМИ: тяготение к социально-бытовой, общественно-политической и исторической проблематике; доминирование объяснительной статьи как жанровой основы текста; опора преимущественно на статичную визуализацию при сдержанном использовании интерактивных и аудиальных элементов; слабая выраженность гипертекстуальности; сосуществование двух моделей – материалов, где объяснение образует ядро нарратива, и материалов, где оно выполняет служебную функцию. Установлено, что объяснительный спецпроект в российских медиа представляет собой не единый унифицированный формат, а семейство форматных решений (от иллюстрированного лонгрида до интерактивного спецпроекта), объединенных общей дидактической задачей и различающихся по степени мультимедийной насыщенности. Результаты вносят вклад в формирование теоретической рамки для изучения объяснительной журналистики как самостоятельного направления в цифровых медиа.

Ключевые слова: цифровая журналистика, конвергентная журналистика, российские СМИ, мультимедийные форматы, журналистский спецпроект, мультимедийный лонгрид

Для цитирования: Болдина К.А. 2026. Объяснительная журналистика в мультимедийных форматах (на примере российских СМИ). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 399–414. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-399-414 EDN FSZOYC

© Болдина К.А., 2026

Explanatory Journalism in Multimedia Formats: A Case Study of Russian Media

Ksenia A. Boldina
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
37 B. Pokrovskaya St., Nizhny Novgorod 603000, Russia
ya@kboldina.ru

Abstract. Explanatory journalism, which aims to uncover cause-and-effect relationships and contextualize socially significant phenomena, is particularly important in the context of information overload and the spread of disinformation in the digital environment. However, in Russian academic discourse, this field has not received its own terminological and conceptual definition. It differs from news journalism by replacing the questions "what, who, when, where" with "how" and "why," from investigative journalism by its lack of a focus on exposure, and from interpretive journalism by its reliance on data and expert knowledge rather than on authorial judgment. The aim of this study is to identify the characteristic features of explanatory journalism in multimedia formats using materials from Russian media. The study was conducted in two stages. In the first, theoretical stage, based on a review of foreign and domestic works, a working definition of explanatory journalism was formulated and five of its characteristics were identified: thematic and technical complexity of the subject matter, a developed internal structure, multi-format presentation of information, hypertextuality, and reliance on expert knowledge. These features were used as selection criteria at the second, empirical stage. A content analysis was used to study 343 editorial multimedia special projects of four Russian media outlets, published between 2014 and 2025. Of these, 46 materials contained an explanatory component. The following characteristics of explanatory journalism in Russian media were identified: a bias toward social, everyday, socio-political, and historical issues; the dominance of the explanatory article as the genre basis of the text; a predominant reliance on static visualization with a restrained use of interactive and auditory elements; weak hypertextuality; and the coexistence of two models: materials in which the explanation forms the core of the narrative, and materials in which it performs a supporting function. It was established that the explanatory special project in Russian media does not represent a single unified format, but a family of format solutions (from an illustrated longread to an interactive special project), united by a common didactic goal and differing in the degree of multimedia saturation. The results contribute to the formation of a theoretical framework for the study of explanatory journalism as an independent direction in digital media.

Keywords: digital journalism, convergent journalism, Russian media, multimedia formats, journalistic special project, multimedia longread

For citation: Boldina K.A. 2026. Explanatory Journalism in Multimedia Formats: A Case Study of Russian Media. *Issues in Journalism, Education, Linguistics,* 45(3): 399–414 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-399-414 EDN FSZOYC

Введение

Цифровая трансформация медиасреды, ускорившаяся в последнее десятилетие, существенно изменила не только каналы доставки информации, но и характер запроса аудитории к журналистскому продукту. В условиях конвергентного новостного потока, который многократно дублируется агрегаторами, социальными сетями и мессенджерами, первичное знание о событии перестает быть прерогативой профессиональных медиа. Это ставит перед журналистикой задачу, выходящую за рамки оперативного информирования. Как показывают исследования, аудитория, которая узнаёт о произошедшем практически мгновенно, стремится понять причины и последствия события. Именно эта потребность – не в информации как таковой, а в ее осмыслении – создает пространство для объяснительной журналистики.

По мнению исследователей, усложнение информационного ландшафта, заключающееся в формировании полисубъектной цифровой медиакоммуникационной среды,

распространении фейковой и манипулятивной информации, утрате журналистами профессиональной «монополии» на производство новостей [Вартанова, 2024], создает объективные предпосылки для востребованности объяснительных форматов. Так как в условиях информационной неопределённости журналистика сохраняет этическую ответственность перед обществом, объяснительная функция становится одним из ключевых инструментов поддержания общественного доверия.

В зарубежной науке изучение объяснительной журналистики началось в конце 1990-х гг., однако единая дефиниция данного понятия так и не сформирована. Объяснительная журналистика часто рассматривается в контексте смежных исследовательских полей – интерпретативной журналистики [Salgado, Strömbäck, 2011; Salgado, 2019], конструктивной журналистики [Djerf-Pierre, Ekström, 2025] – и редко становится центральным объектом теоретического исследования.

Историко-теоретическую основу изучения объяснительной журналистики заложила работа К. Форд [Forde, 2007], в которой на материале публикаций, отмеченных Пулитцеровской премией, прослеживается становление категории explanatory reporting в американской прессе. К. Форд показывает, что объяснительный репортаж исторически связан с задачей повышения качества общественного знания и поддержки демократических процессов. С 1985 года, когда Пулитцеровская премия выделила explanatory reporting как самостоятельную номинацию, данный формат обрел институциональное признание, подтверждающее его особый статус в системе журналистских жанров. Появление собственно термина исследователь относит к 1885 году, когда в американском профессиональном издании The Journalist появилась статья «Объяснительная журналистика», в которой автор писал о том, что многим репортерам того времени не хватало образования и знаний, чтобы ясно объяснять читателям важные социальные явления, в том числе финансовые кризисы и международные конфликты [Forde, 2007, p. 230].

С. Салгадо [Salgado, 2019], размышляя о сути интерпретации и объяснения в журналистских материалах, обращает внимание на сохраняющуюся понятийную нечеткость: интерпретативная журналистика нередко используется как синоним понятий long form journalism, contextual journalism и new journalism, при том что каждое из них имеет собственную смысловую нагрузку. Интерпретативная журналистика, по мнению исследователя, предполагает доминирование голоса журналиста в нарративе и включает его оценки, объяснения и контекстуализации [Salgado, Strömbäck, 2011]. Таким образом, С. Салгадо склоняется к мысли, что объяснительная журналистика является частным случаем интерпретативной, а не противопоставляется ей.

Ряд исследователей [Hudak, 2016; Mann, 2016] открыто противопоставляют explanatory journalism оперативной новостной модели, призывая рассматривать ее как ответ на поверхностность «срочных новостей» и инструмент повышения качества демократии.

Современный этап осмысления рассматриваемого явления характеризуется расширением эмпирической базы исследований. В. Морено-Хиль и ее коллеги [Moreno-Gil et al., 2023] на материале четырех европейских фактчекинговых платформ показали, что объяснительная журналистика является составной частью практики проверки фактов, активно используя визуализацию данных, экспертные источники и жанровые форматы, характерные для аналитических публикаций. Этот вывод позволяет рассматривать объяснительную журналистику не только как самостоятельный жанр, но и как коммуникативную стратегию, применимую в разных институциональных контекстах, включая борьбу с дезинформацией.

Отдельное направление зарубежных исследований связано с пониманием конструктивной журналистики (constructive journalism) как практики, частично пересекающейся с объяснительной. М. Дьерф-Пьер и М. Экстрём [Djerf-Pierre, Ekström, 2025] анализируют нарративные элементы и «формулы» новостных историй, сфокусированных на решениях проблем, и приходят к выводу: хотя конструктивная

журналистика нетождественна объяснительной, их общей чертой является установка на углубление понимания аудиторией сложных общественных процессов.

В российском научном пространстве ситуация еще более неопределенная. Отечественные исследователи обращаются к феномену объяснения в журналистике преимущественно в связи с анализом мультимедийных форматов [Медведева, 2020] или политических коммуникаций [Буркова, 2014], но специальных работ, посвященных объяснительной журналистике как формату, недостаточно. В этой ситуации актуальной представляется систематизация накопленного знания, позволяющая определить контуры объяснительной журналистики как объекта исследования и выявить ее ключевые признаки, особенно применительно к формату спецпроекта.

Среди функций журналистики, выделяемых отечественными теоретиками [Корконосенко, 2001; Прохоров, 2011; Свитич, 2012], объяснительная отсутствует, но при этом информационная, просветительская и аналитическая функции непосредственно связаны с задачей объяснения – то есть с переводом сложного общественно значимого знания в доступную для аудитории форму.

А.Р. Медведева в своем исследовании отмечает, что объяснительная журналистика получает наибольшую востребованность в условиях, когда потребителям информации перестали быть интересны новости сами по себе и формируется запрос на раскрытие причин появления различных информационных поводов («как так получилось?» вместо «что произошло?») [Медведева, 2020, с. 71]. По мнению исследователя, выделить объяснительную журналистику в конкретный жанр сложно, и она скорее предстает дополнением к уже имеющимся журналистским техникам подачи информации.

В целом за рубежом и в России отдельные аспекты объяснительной журналистики косвенно затрагиваются в самом широком спектре исследований медиасистем, посвященных взаимодействию науки и журналистики [Fleerackers et al., 2022; Bartleman et al., 2024], репрезентации в журналистике информации об ИИ [Dwyer et al., 2023], сервисной журналистике [Власова, 2022], а также формам цифровой журналистики [Bradshaw, 2023].

Обзор научной литературы позволяет констатировать, что объяснительная журналистика как направление профессиональной деятельности обладает достаточно длительной историей существования, однако ее теоретическое осмысление находится на стадии становления. Российские мультимедийные спецпроекты объяснительного характера, которые активно производятся ведущими отечественными редакциями, практически не становились предметом систематического научного анализа. Между тем именно формат спецпроекта, интегрирующий текст, визуализацию, интерактивные элементы и развитую гипертекстуальную структуру, представляет собой одну из наиболее последовательных реализаций объяснительного подхода в цифровой журналистике.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании характерных черт объяснительной журналистики в мультимедийных форматах на материале российских СМИ. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: систематизация теоретических представлений об объяснительной журналистике в зарубежном и отечественном научном дискурсе, формулирование рабочего определения и системы признаков объяснительных материалов, проведение контент-анализа мультимедийных спецпроектов ведущих российских медиа для выявления объяснительных материалов и анализа их жанровых и мультимедийных особенностей.

Материалы и методы исследования

Исследование включало два этапа: теоретический и эмпирический. На первом этапе проведен анализ зарубежных и отечественных научных публикаций, посвященных объяснительной журналистике и смежным исследовательским полям (интерпретативной, конструктивной, сервисной журналистике, дата-сторителлингу, академической и фактчекинговой журналистике). Отбор источников осуществлялся по базам eLibrary,

Scopus и Web of Science по ключевым словам explanatory journalism, «объяснительная журналистика», interpretive journalism за период с 2010 по 2026 год.

На втором этапе методом контент-анализа изучены мультимедийные спецпроекты четырех российских СМИ.

Эмпирическую базу настоящего исследования составили мультимедийные спецпроекты четырех российских СМИ – Lenta.ru, ТАСС, РИА «Новости» и «Известия». Выбор именно этих изданий обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, все перечисленные редакции отличаются устойчивой практикой производства мультимедийных спецпроектов, что позволяет говорить о сложившейся редакционной культуре работы с данным форматом.

Во-вторых, издания представляют различные типы медиаорганизаций – от информационных агентств (ТАСС, РИА «Новости») до онлайн-изданий широкого профиля (Lenta.ru, «Известия»), что обеспечивает репрезентативность выборки. В-третьих, каждое из этих СМИ формирует на официальных сайтах открытый архив спецпроектов, доступный для исследователя.

Единицей анализа выступал отдельный мультимедийный спецпроект – редакционный (не рекламный) материал, выполненный в формате, отличном от стандартной текстовой публикации: имеющий оригинальный визуальный дизайн, усложненную структуру, мультимедийные элементы (инфографика, видео, интерактив, анимация и т. д.) и размещенный на отдельной странице или поддомене сайта издания. Из анализа были исключены рекламные и спонсорские спецпроекты, поскольку их коммуникативная задача принципиально отличается от редакционной и определяется интересами рекламодателя, а не логикой журналистского объяснения.

Исследование проводилось с декабря 2025 г. по февраль 2026 г.

На первом этапе был осуществлен сплошной просмотр архивов мультимедийных спецпроектов каждого из четырех изданий. Критерием включения материала в выборку являлась его принадлежность к редакционному контенту и соответствие формату мультимедийного спецпроекта.

Хронологические рамки выборки охватывают период с 2014 по 2025 год, что определяется фактическими границами доступных архивов. В результате сплошного отбора была сформирована генеральная совокупность из 343 редакционных мультимедийных спецпроектов, распределенных по изданиям следующим образом: ТАСС – 137 материалов, Известия IZ – 110, Lenta.ru – 65, РИА «Новости» – 31.

На втором этапе каждый из 343 спецпроектов подвергался контент-анализу с фиксацией результатов в кодировочной таблице.

Ключевым этапом аналитической работы стала идентификация объяснительных материалов внутри общей выборки. Отнесение спецпроекта к категории объяснительных осуществлялось на основании признаков, выявленных в ходе обзора исследований. При этом было проведено принципиальное разграничение между двумя типами материалов. К первому типу – «полностью объяснительные спецпроекты» – были отнесены те материалы, в которых объяснительная функция является центральной и определяющей. Ко второму типу – «спецпроекты с элементами объяснительного нарратива» – были отнесены материалы, в которых объяснительный компонент присутствует, но не является доминирующим.

В результате этой процедуры из 343 спецпроектов было выделено 46 материалов, содержащих объяснительный компонент, что составляет 13,4 % от общей выборки. Из них 31 спецпроект был квалифицирован как полностью объяснительный, а 15 – как содержащий элементы объяснительного нарратива (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение объяснительных спецпроектов по изданиям
Distribution of explanatory special projects across publications

Тип материалов	ТАСС	Известия IZ	Lenta.ru	РИА «Новости»	Всего
Полностью объяснительные	14	12	2	3	31
С элементами объяснительного нарратива	2	7	5	1	15
Итого	16	19	7	4	46

Понятие и признаки объяснительной журналистики

Впервые концептуальное отличие объяснительной журналистики от новостной, расследовательской и иных интерпретативных форм было предложено П. Париси [Parisi, 1999], который показал, что объяснительная журналистика сосредоточена на раскрытии причинно-следственных связей и контекстуализации событий для аудитории. Он подчеркнул, что объяснительная журналистика понимается как способ предоставления исторического, социологического, экономического, психологического и другого релевантного контекста к текущим новостным событиям [Parisi, 1999, p. 47].

К. Шигаки [Shigaki, 2025] исследовал трансформацию объяснительной журналистики в условиях цифровой среды и пришел к заключению, что данное направление активно осваивает мультимедийные форматы (видео, инфографику, интерактивные элементы), ориентируясь на молодую аудиторию, хотя и сталкивается с институциональными ограничениями в традиционных медиасистемах. П.Л. де Ассунсау [De Assunção, 2025] на примере бразильского портала Nexo подтверждает устойчивость жанровых признаков объяснительных материалов (присутствие гиперссылок, инфографики, аргументированных цитат, развитой подзаголовочной структуры), что может свидетельствовать об универсальности формата.

Б. Херави [Heravi, 2025], изучая сторителлинг в дата-журналистике, вводит различие между объяснительными (explanatory) и исследовательскими (exploratory) характеристиками цифровых историй. Исследование, построенное на анализе 118 дата-нарративов, показывает, что объяснительные истории в журналистике, как правило, опираются на линейную структуру повествования и авторское управление нарративом, тогда как исследовательские предполагают более выраженную интерактивность и свободу читателя. При этом выявлена взаимодополняемость этих двух модальностей, что расширяет теоретическое понимание устройства объяснительных материалов.

О.С. Буркова [2014] обращает внимание на то, что объяснительные имиджевые тексты могут создаваться в разных формах (от списков и опросников до видеоматериалов) и что принципами современной объяснительной журналистики являются отсутствие второстепенной информации, небольшой объем текста и доступность даже для неподготовленного читателя. Хотя работа О.С. Бурковой сосредоточена на трансформации имиджевых политических текстов (PR-коммуникации), сформулированные ею принципы (лаконичность, доступность, наглядность) созвучны тем, что лежат в основе современных медийных объяснительных форматов.

Систематизация проанализированных источников позволяет выделить несколько ключевых содержательных характеристик, которые в совокупности формируют предметное ядро понятия «объяснительная журналистика».

Во-первых, это *смещение акцента с информирования о факте на раскрытие его причин и последствий*. Если новостная журналистика отвечает на вопросы «что?», «кто?», «когда?» и «где?», то объяснительная – на вопросы «как?» и «почему?» [Parisi, 1999; de Assunção, 2025]. Во-вторых, это *контекстуализация* – встраивание отдельного события в более широкие социальные, экономические или исторические рамки [Forde, 2007; Salgado, 2019]. В-третьих, *дидактическая направленность*: объяснительные материалы рассчитаны на то, чтобы провести читателя от незнания к пониманию, используя доступный язык, аналогии, визуальные средства [De Assunção, 2025; Shigaki, 2025]. В-четвертых, *мультимедийность и мультимодальность*: в цифровой среде объяснительная журналистика активно задействует инфографику, интерактивные элементы, видео и гиперссылки [Moreno-Gil et al., 2023; Heravi, 2025].

Опираясь на проведенный анализ, можно предложить следующее рабочее определение: *объяснительная журналистика* – это направление профессиональной журналистской деятельности, ориентированное на раскрытие причинно-следственных связей, контекстуализацию и дидактически выстроенную интерпретацию общественно значимых процессов и явлений с целью формирования у аудитории целостного понимания сложных тем. В цифровой среде эта деятельность реализуется через мультимедийные и интерактивные форматы, обеспечивающие глубину и доступность представления информации.

Обобщение эмпирических исследований позволяет выделить устойчивый набор признаков, которые характеризуют объяснительные материалы в цифровой среде и могут быть положены в основу аналитической рамки настоящего исследования.

Первый признак – тематическая и техническая сложность предмета повествования. Объяснительные материалы, как правило, обращаются к темам, требующим специального знания или экспертной интерпретации: экономическим реформам, научным открытиям, правовым механизмам, технологическим процессам [Moreno-Gil et al., 2023; de Assunção, 2025].

Второй признак – развитая внутренняя структура. Исследования показывают, что объяснительные материалы используют подзаголовочную структуру в среднем из 10 и более смысловых блоков [De Assunção, 2025], а также различные нарративные модели – от традиционной заметки, строящейся по принципу перевернутой пирамиды, до информационных карточек [Heravi, 2025].

Третий признак – многоформатность представления информации: использование инфографики, таблиц, фотографий, видео, графиков, интерактивных элементов [De Assunção, 2025; Heravi, 2025; Shigaki, 2025]. Визуальные и интерактивные компоненты выполняют не иллюстративную, а объяснительную функцию – они помогают «провести» читателя к пониманию сложного материала.

Четвертый признак – гипертекстуальность: наличие гиперссылок на дополнительные источники, смежные материалы и экспертные ресурсы, которые расширяют пространство объяснения за рамки отдельного текста [De Assunção, 2025].

Пятый признак – опора на экспертное знание. Объяснительные материалы отличаются от журналистских мнений и комментариев тем, что строятся на больших данных, исследованиях и экспертных оценках, а не на субъективной интерпретации журналиста [Forde, 2007; Moreno-Gil et al., 2023].

Выявленные в ходе обзора пять устойчивых признаков объяснительных материалов положены в основу аналитической рамки для эмпирического исследования.

Результаты исследования

Анализ выявленных материалов с объяснительным компонентом показал, что тематический диапазон объяснительных спецпроектов в российских СМИ достаточно широк, однако отчетливо тяготеет к нескольким предметным областям (табл. 2). Наиболее

представленной оказалась социально-бытовая тематика – материалы, разъясняющие аудитории специфику повседневных процессов, механизмы получения государственных услуг, правила безопасного поведения и принципы здорового образа жизни («Имеешь право», Lenta.ru [1]; «5 мифов о пенсионной системе», РИА Новости [2]; «Заразен и очень опасен. Как отличить грипп от простуды и как пережить эпидемию», ТАСС [3]). К этой группе примыкают материалы, посвященные вопросам здоровья и медицины («Можно победить», Известия IZ [4]; «Зависники и зависницы», Известия IZ [5]).

Таблица 2
Table 2

Тематическое распределение объяснительных спецпроектов по изданиям
Thematic distribution of explanatory special projects across publications

Тематическая группа	ТАСС	Известия IZ	Lenta.ru	РИА «Новости»	Всего n (%)
Социально-бытовая (гражданские права, безопасность, ЖКХ, экология)	5	5	3	3	16 (34,8)
Здоровье и медицина	1	4	1	0	6 (13)
Общественно-политическая и историческая	5	4	2	0	11 (23,9)
Экономика, технологии, инфраструктура	4	3	0	1	8 (17,4)
Наука, образование, космос	1	3	0	0	4 (8,7)
Спорт и развлечения	0	0	1	0	1 (2,2)
Итого	16	19	7	4	46 (100)

Второй по объему тематический кластер составили материалы на общественно-политические и исторические темы, в которых объяснение направлено на контекстуализацию актуальных или знаковых событий («Историческое сражение», Известия IZ [6]; «Давно и неправда. Мифы о Ледовом побоище», ТАСС [7]; «Крах однополярного мира», Lenta.ru [8]).

Третью группу образовали материалы, объясняющие устройство экономических, технологических или инфраструктурных процессов («Стадии принятия бюджета», ТАСС [9];

[1] Имеешь право. Специальный проект. Lenta.ru. URL: https://uveright.lenta.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Шорох П., Кузьмич Л. Миф первый: «Пенсионная система – это сложно!» Или нет? Пробуем разобраться. 5 мифов о пенсионной системе. Специальный проект. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20151118/1317928009.html (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Заразен и очень опасен. Как отличить грипп от простуды и как пережить эпидемию. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/spec/gripp?ysclid=mnuj4xl9ei172564166 (дата обращения: 15.04.2026)

[4] Сидоров А. Можно победить. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://cancer.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[5] Константинова Е. и др. Зависники и зависницы. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://meteo.iz.ru/?ysclid=mnuj6pqgg4978698291 (дата обращения: 15.04.2026).

[6] Сидоров А. и др. 2020. Историческое сражение. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://protectmemory.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026)

[7] Недкова К. 2017. Давно и неправда. Мифы о Ледовом побоище. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/spec/ledovoe?ysclid=mnuj7n4o54977812339 (дата обращения: 15.04.2026).

[8] Крах однополярного мира. 2022. Специальный проект. Lenta.ru. URL: https://crash.lenta.ru/?ysclid=mnuj8212nc2355390 (дата обращения: 15.04.2026).

[9] Донина Д., Скуратова В. 2021–2022. Стадии принятия бюджета. ТАСС. URL: https://spec.tass.ru/budget-rf/?ysclid=mnuj8mfkcn58441774 (дата обращения: 15.04.2026).

«Финансовый компас. Проводник по ключевым понятиям экономики», ТАСС [1]; «Пути отходов», ТАСС [2]).

Распределение материалов свидетельствует о том, что объяснительный формат в российских СМИ востребован прежде всего там, где информация сложна для неподготовленной аудитории – будь то устройство государственных механизмов, природа заболеваний, логика исторических процессов или принципы функционирования технологий. Иными словами, объяснительный спецпроект возникает, когда тема общественно значима, но требует от аудитории интеллектуального усилия для понимания.

С точки зрения жанровой принадлежности текстовой основы (табл. 3), в группе полностью объяснительных спецпроектов (31 материал) абсолютно доминирует собственно объяснительная статья – текст, целиком подчиненный задаче разъяснения. Часть из них содержит дополнительные жанровые элементы: экспертные комментарии («В порядке сокращения», Известия IZ [3]), элементы аналитики («Быть президентом», ТАСС [4]), элементы сторителлинга («Дружба + терпение», Известия IZ [5]), формат экспертного интервью («Можно победить», Известия IZ [6]). Встречается также рамочная структура – подборка нескольких статей под одним спецпроектом («Проводник по ключевым понятиям экономики», ТАСС [7]).

В группе спецпроектов с элементами объяснительного нарратива (15 материалов) жанровая картина существенно разнообразнее. Здесь объяснительный компонент встроен в иные форматы: аналитическую статью («Северный поток – 2», Известия IZ [8]), исторический обзор («Крах однополярного мира», Lenta.ru [9]), расследование с применением сторителлинга («Попавшие в сети», Lenta.ru [10]), сторителлинг с объяснительными вставками («На одном языке», Известия IZ [11]), научно-популярный текст («Образ будущего», ТАСС [12]).

Контент-анализ мультимедийного оснащения 46 материалов также позволил выявить устойчивый набор визуальных, интерактивных и аудиовизуальных компонентов, которые используются для реализации объяснительной функции (табл. 4).

---

[1] Зелененко Д., Розанова А., Шкапина М. 2025. Финансовый компас. Проводник по ключевым понятиям экономики. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/specialprojects/ekonomika-prosto/?ysclid=mnuj909azu330985007 (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Раксина А. 2019. Пути отходов. Специальный проект. ТАСС. URL: https://spec.tass.ru/tko/ (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Жукова А., Ивушкина А., Ильина Н., Костенко Я., Костина Е., Москвитина Л., Сидоренко Е., Сидоров А., Чеповская Аю, Юргенсон А. 2020. В порядке сокращения. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://protection.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[4] Быть президентом. 2022. Специальный проект. ТАСС. URL: https://spec.tass.ru/vladimir-putin/?ysclid=mnujbjh3xq100120333 (дата обращения: 15.04.2026).

[5] Сидоров А. и др. Дружба + терпение. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://asi.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[6] Сидоров А. Можно победить. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://cancer.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[7] Зелененко Д., Розанова А., Шкапина М. 2025. Финансовый компас. Проводник по ключевым понятиям экономики. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/specialprojects/ekonomika-prosto/?ysclid=mnuj909azu330985007 (дата обращения: 15.04.2026).

[8] Воронов В. и др. Северный поток – 2. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://nordstream2.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[9] Крах однополярного мира. 2022. Специальный проект. Lenta.ru. URL: https://crash.lenta.ru/?ysclid=mnuj8212nc2355390 (дата обращения: 15.04.2026).

[10] Поворазнюк С. Попавшие в сети. Специальный проект. Lenta.ru. URL: https://seti.lenta.ru/?ysclid=mrk89s6urm644938384 (дата обращения: 15.04.2026).

[11] Власова А. и др. На одном языке. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://spec.iz.ru/gesty?ysclid =mnujfuo24a734922589 (дата обращения: 15.04.2026).

[12] Пузикова К. 2025. Образ будущего. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/specialprojects/obraz-budushchego/?ysclid=mnujg8k06b46424318 (дата обращения: 15.04.2026).

Таблица 3
Table 3

Жанровая принадлежность текстовой основы
Genre of the textual basis

Жанр текстовой основы	Полностью объяснительные (31)	С элементами (15)	Всего	%
Объяснительная статья	20	0	20	43,5
Объяснительная статья с экспертными комментариями / интервью	6	0	6	13,1
Объяснительная статья с элементами аналитики	1	0	1	2,2
Объяснительная статья с элементами сторителлинга	2	0	2	4,3
Объяснительная статья (подборка статей)	2	0	2	4,3
Статья с элементами объяснительного нарратива	0	7	7	15,3
Аналитическая статья с элементами объяснительного нарратива	0	2	2	4,3
Исторический обзор с элементами объяснительного нарратива	0	2	2	4,3
Сторителлинг/расследование с элементами объяснительного нарратива	0	3	3	6,5
Научно-популярный отчет с элементами объяснительного нарратива	0	1	1	2,2
Итого	31	15	46	100

Таблица 4
Table 4

Распределение мультимедийных элементов в объяснительных спецпроектах (n = 46)
Distribution of multimedia elements in explanatory special projects (n = 46)

Мультимедийный элемент	Кол-во материалов	% от выборки
Фотографии	30	65,2
Авторские иллюстрации	25	54,3
Инфографика (статистика, диаграммы, графики)	22	47,8
Инфографика (блок-схемы, таймлайны)	14	30,4
Инфографика (карты)	13	28,3
Гиперссылки на материалы по теме	11	23,9
Видео	10	21,7
Интерактивные элементы (тесты, викторины, всплывающие окна)	7	15,2
Авторская анимация	7	15,2
Механика скролителлинга	5	10,9
Аудиосопровождение	2	4,3
Карточки	2	4,3
Карусели с фото	1	2,2

Полученные данные свидетельствуют о том, что визуальный ряд объяснительных спецпроектов строится прежде всего на статичных элементах – фотографиях (65,2 %) и авторских иллюстрациях (54,3 %). Высокая доля авторских иллюстраций заслуживает отдельного внимания: она указывает на то, что редакции целенаправленно создают уникальный визуальный контент для объяснительных материалов. Это подтверждает ресурсоемкость формата и его особый статус в редакционном производстве.

Инфографика в совокупности (статистическая, картографическая, схематическая) является вторым по значимости компонентом и присутствует в той или иной форме в более чем половине материалов выборки. Преобладает статистическая инфографика (диаграммы, графики, числовые показатели), поскольку объяснительный нарратив часто требует наглядной демонстрации масштабов, динамики и соотношений. Схемы и таймлайны используются для визуализации процессов и хронологий, карты – для пространственной контекстуализации.

Интерактивные элементы (тесты, викторины, всплывающие окна с дополнительным текстом) и авторская анимация занимают менее значительную, но тем не менее устойчивую позицию (по 15,2 % каждый). Механика скролителлинга, при которой визуальные и текстовые элементы сменяют друг друга по мере прокрутки страницы, встречается в 10,9 % материалов и характерна для наиболее технологически сложных спецпроектов («Дом, в котором я живу», РИА Новости [1]; «Невидимая угроза», Известия IZ [2]). Аудиоэлементы, напротив, используются крайне редко (4,3 %), что указывает на преимущественно визуальную ориентацию объяснительного формата.

Сопоставление двух выделенных групп материалов выявило ряд принципиальных различий, которые касаются не столько набора мультимедийных элементов, сколько роли объяснительного компонента в архитектуре спецпроекта.

В полностью объяснительных спецпроектах (31 ед. анализа) весь нарратив подчинен единой задаче – разъяснению определенного явления, процесса или проблемы. Структура такой публикации, как правило, выстроена дидактически: от постановки вопроса или обозначения проблемы – к последовательному раскрытию ее составляющих, с привлечением данных, экспертных оценок и визуальных средств. Заголовок прямо указывает на объяснительную интенцию: «Как стать космонавтом» (ТАСС[3]), «Освобождение крестьян. Что мы запомнили неверно» (ТАСС [4]), «Коронавирус. Распространение заболевания: что важно знать?» (Известия IZ [5]), «Как создать бизнес на Дальнем Востоке» (РИА Новости [6]), «5 мифов о пенсионной системе» (РИА Новости [7]). Мультимедийные элементы в таких материалах непосредственно обслуживают объяснительную функцию: инфографика визуализирует данные, блок-схемы показывают этапы процессов, тесты позволяют читателю проверить усвоенное знание.

---

[1] Вершинин А. Дом, в котором я живу. Специальный проект. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20180831/1526931992.html?ysclid=mnupdpv7su813598057 (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Невидимая угроза. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://safety.iz.ru/?ysclid =mnupcbr 1d0424745161 (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Недкова К. 2017. Как стать космонавтом. Требования. Подготовка. Перспективы. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/spec/stat_kosmonavtom?ysclid=mnupi1nad2642079370 (дата обращения: 15.04.2026).

[4] Гашков И. 2021. Освобождение крестьян. Что мы запомнили неверно. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/spec/krepostnoe-pravo?ysclid=mnuplyd4d8124857484 (дата обращения: 15.04.2026).

[5] Нодельман В., Сидоренко Е., Цырулева И., Недюк М., Шестаков И. 2020. Коронавирус. Распространение заболевания: что важно знать? Известия IZ. URL: https://pneumonia.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[6] Как создать бизнес на Дальнем Востоке? Специальный проект. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20171221/1511464678.html?ysclid=mnupnoc6jz325197843#/main (дата обращения: 15.04.2026).

[7] Шорох П., Кузьмич Л. Миф первый: «Пенсионная система – это сложно!» Или нет? Пробуем разобраться. 5 мифов о пенсионной системе. Специальный проект. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20151118/1317928009.html (дата обращения: 15.04.2026).

В спецпроектах с элементами объяснительного нарратива (15 ед. анализа) объяснение встроено в более широкую жанровую рамку и выполняет вспомогательную роль. Так, в спецпроекте «Попавшие в сети» (Lenta.ru [1]) основу составляет журналистское расследование с элементами сторителлинга, а объяснительные фрагменты вплетены в повествование для того, чтобы аудитория могла понять механику мошеннических схем. В материале «Тепловой удар» (Известия IZ [2]) аналитическая статья о климатических изменениях сопровождается объяснительными блоками, раскрывающими научную основу описываемых процессов. В спецпроекте «На одном языке» (Известия IZ [3]) сторителлинг, построенный на личных историях, дополняется объяснительными вставками о природе жестового языка и его правовом статусе. Различие между двумя группами проявляется и на уровне мультимедийного оснащения. Полностью объяснительные спецпроекты, как правило, отличаются бóльшим наполнением инфографикой: в них чаще встречаются визуализация статистических данных, схемы, таймлайны. Спецпроекты с элементами объяснительного нарратива, напротив, в большей степени опираются на фото-, видеоматериалы и нарративные приемы (скролителлинг, аудиосопровождение), поскольку их основная жанровая задача – не разъяснение как таковое, а повествование, в которое объяснение инкорпорировано.

Углубленный анализ 31 полностью объяснительного спецпроекта позволил выделить несколько устойчивых форматных разновидностей, различающихся по степени интерактивности и характеру структурной организации (табл. 5).

Таблица 5
Table 5

Форматные разновидности полностью объяснительных спецпроектов (n = 31)
Format variations of fully explanatory special projects (n = 31)

Форматная разновидность	Характеристика	Кол-во	Доля, %
Инфографический объяснительный спецпроект	Публикация, в которой инфографика (схемы, карты, диаграммы, графики, таймлайны) является ключевым средством объяснения наряду с текстом	12	38,7
Иллюстрированный объяснительный лонгрид	Линейный текст с фотографиями и/или авторскими иллюстрациями, без интерактивных элементов и развитой инфографики	10	32,2
Интерактивный объяснительный спецпроект	Публикация, включающая активные элементы взаимодействия с пользователем: тесты, викторины, всплывающие окна, выпадающий текст	5	16,1
Объяснительный спецпроект со скролителлинговой механикой	Публикация, в которой визуальные и текстовые элементы сменяются по мере прокрутки, создавая эффект погружения	2	6,5
Рамочный объяснительный спецпроект (подборка)	Несколько самостоятельных объяснительных статей, объединенных общей темой и единым визуальным оформлением	2	6,5
Итого		31	100

[1] Поворазнюк С. Попавшие в сети. Специальный проект. Lenta.ru. URL: https://seti.lenta.ru/?ysclid=mrk89s6urm644938384 (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Коленцова О., Урманцева А., Нодельман В., Приемская Е. 2020. Тепловой удар. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://klimat2100.iz.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[3] На одном языке. Специальный проект. Известия IZ. URL: https://spec.iz.ru/gesty?ysclid=mnupv3euty393247912 (дата обращения: 15.04.2026).

Как видно из табл. 5, наиболее распространенной форматной разновидностью является инфографический объяснительный спецпроект (38,7 %), в котором визуализация данных берет на себя значительную часть объяснительной нагрузки. Второе место занимает иллюстрированный лонгрид (32,1 %) – более традиционная форма, в которой объяснение реализуется преимущественно через текст, а визуальный ряд выполняет сопроводительную функцию. Интерактивные спецпроекты (16,1 %) представляют собой технологически наиболее сложную разновидность, предполагающую активное участие пользователя в процессе познания. Скролителлинговые и рамочные форматы встречаются реже, однако представляют интерес как примеры нестандартных композиционных решений.

Полученные результаты позволяют утверждать, что объяснительный спецпроект в российских СМИ – это не единый унифицированный формат, а семейство форматных решений, объединенных общей коммуникативной задачей (дидактическое разъяснение сложной темы), но различающихся по степени мультимедийной насыщенности, интерактивности и характеру структурной организации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов, значимых как для теоретического осмысления объяснительной журналистики, так и для понимания ее практического воплощения в российском медиапространстве.

Прежде всего, полученные данные подтверждают, что объяснительная журналистика в мультимедийных форматах – состоявшаяся, хотя и не отрефлексированная в отечественном научном дискурсе практика. Тот факт, что объяснительные материалы составили 13,4 % от общей совокупности редакционных мультимедийных спецпроектов четырех крупных российских СМИ, свидетельствует о том, что данное направление занимает заметную нишу в структуре мультимедийного производства. При этом объяснительные спецпроекты обнаружены во всех четырех исследованных изданиях (и в информационных агентствах, и в онлайн-медиа), что говорит о кросс-редакционном характере явления, не привязанного к одному типу организации.

Существенным выводом представляется обнаруженная связь между тематической сложностью предмета и выбором объяснительного формата. Российские редакции обращаются к объяснительному спецпроекту не произвольно, а в ситуациях, когда тема требует от аудитории когнитивного усилия: освоения незнакомых механизмов, понимания причинно-следственных цепочек, ориентации в противоречивых данных.

Выявленная типология форматных разновидностей (инфографический объяснительный спецпроект, иллюстрированный объяснительный лонгрид, интерактивный объяснительный спецпроект, объяснительный спецпроект со скролителлинговой механикой, рамочный объяснительный спецпроект (подборка)) демонстрирует, что объяснительная журналистика в цифровой среде не сводится к одному шаблону. Скорее, она представляет собой спектр решений, в рамках которого редакции подбирают степень мультимедийной насыщенности и интерактивности в зависимости от характера темы, целевой аудитории и имеющихся ресурсов.

Отдельного внимания заслуживает установленное в ходе анализа различие между материалами – в одних объяснение составляет ядро нарратива, в других оно выполняет служебную роль. Это различие имеет не только описательное, но и концептуальное значение: оно показывает, что объяснительная функция в мультимедийной журналистике может реализовываться двояко – как самостоятельная жанровая стратегия и как коммуникативный прием, встраиваемый в другие жанровые форматы.

Соотнесение результатов с признаками объяснительных материалов, выделенными по итогам обзора научной литературы, показывает, что четыре из пяти признаков (тематическая сложность, развитая внутренняя структура, многоформатность, опора на экспертное знание) устойчиво воспроизводятся в российской практике. Еще один признак – гипертекстуальность –

представлен менее последовательно: гиперссылки на дополнительные источники обнаружены лишь в четверти материалов выборки. Это может объясняться как редакционной политикой удержания аудитории внутри собственного ресурса, так и спецификой формата спецпроекта, который мыслится как самодостаточная «точка входа» в тему.

Перспективным представляется, во-первых, изучение аудиторного восприятия объяснительных спецпроектов: насколько эффективно они выполняют заявленную дидактическую функцию и приводят ли к реальному приращению знания у читателей. Во-вторых, заслуживает внимания редакционная сторона вопроса – организация производства объяснительных спецпроектов, состав команд, временные и финансовые затраты, а также степень осознанности редакциями объяснительного формата как отдельного направления. Наконец, сравнительный анализ российских и зарубежных объяснительных спецпроектов мог бы дать ответ на вопрос о том, формируется ли универсальная модель объяснительного цифрового формата или его конфигурация определяется особенностями национальной медиасистемы.

Список литературы

Буркова О.С. 2014. Объяснительная журналистика и ее влияние на трансформацию имиджевых политических текстов. *Знак: проблемное поле медиаобразования,* 2: 91–94.

Вартанова Е.Л. 2024. Функции журналистики: традиционные и актуальные подходы. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6: 3–30. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330

Власова Е.Г. 2022. Адаптивная роль современной журналистики и приемы ее реализации (на материале урбанистически ориентированных сетевых изданий). *Медиалингвистика*, 9(2): 113–125. DOI: 10.21638/spbu22.2022.203

Корконосенко С.Г. 2009. Основы журналистики. М., Аспект Пресс, 318 с.

Медведева А.Р. 2020. Машины интерфейса объяснительной журналистики (на примере сайтов интернет-изданий «Медуза» и «Vox»). *Вопросы журналистики*, 8: 71–86. DOI: 10.17223/26188422/8/5

Прохоров Е.П. 2011. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М., Аспект Пресс, 351 с.

Свитич Л.Г. 2012. Введение в специальность. Профессия: журналист. 3-е изд., испр. и доп. М., Аспект Пресс, 255 с.

Bartleman M., Dubois E., Macdonald I. 2024. A framework for examining hybridity: The case of academic explanatory journalism. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 0(0). DOI: 10.1177/13548565241255044

Bradshaw P. 2023. The Online Journalism Handbook: Skills to Survive and Thrive in the Digital Age. London, Routledge, 362 p. DOI: 10.4324/9780429321566

De Assunção P.L. 2025. Jornalismo Explicativo: um Estudo a Partir de Reportagens do Nexo Jornal. *Lumen et Virtus, [S. l.]*, 16(45): 783–792. DOI: 10.56238/levv16n45-007

Djerf-Pierre M., Ekström M. 2025. Constructive Journalism as Practice—Storytelling in Solutions-Focused News Reporting in Mainstream News Media. *Journalism Practice*, 1–19. DOI: 10.1080/17512786.2025.2461213

Dwyer L., Crawford Ch., Zeller F. 2023. Media Framing of Dominant Ideologies in Explanatory Journalism Concerning Artificial Intelligence and Robotics. *Canadian Journal of Communication*, 48(4): 715–742. DOI: 10.3138/cjc.2022-0049

Fleerackers A., Riedlinger M., Bruns A., Burgess J. 2022. Academic explanatory journalism and emerging COVID-19 science: how social media accounts amplify The Conversation's preprint coverage. *Media International Australia*, 2022 Dec. 14: 1329878X221145022. DOI: 10.1177/1329878X221145022

Forde K.R. 2007. Discovering the explanatory report in American newspapers. *Journalism Practice*, 1(2): 227–244. DOI: 10.1080/17512780701275531

Heravi B. 2025. Exploratory and explanatory features in data storytelling: untangling the interplay and associations with linearity, interactivity, and structure. *Journal of Computational Social Science*, 8: 94. DOI: 10.1007/s42001-025-00407-6

Hudak J. 2016. Shining light on explanatory journalism's impact on media, democracy, and society. Brookings. URL: https://www.brookings.edu/articles/shining-light-on-explanatory-journalisms-impact-on-media-democracy-and-society/ (accessed: April 13, 2026)

Mann T.E. 2016. Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction. Brookings, February 29, 2016. URL: Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction | Brookings (accessed: April 13, 2026)

Moreno-Gil V., Ramon-Vegas X., Rodríguez-Martínez R., Mauri-Ríos M. 2023. Explanatory Journalism within European Fact Checking Platforms: An Ally against Disinformation in the Post-COVID-19 Era. *Societies*, 13(11): 237. DOI: 10.3390/soc13110237

Parisi P. 1999. Astonishment and understanding: On the problem of explanation in journalism. *New Jersey Journal of Communication*, 7(1): 44–64. DOI: 10.1080/15456879909367354

Salgado S. 2019. Interpretive journalism. Forms of Journalism. In: The international encyclopedia of journalism studies. Eds. T.P. Vos, F. Hanusch, D. Dimitrakopoulou, M. Geertsema-Sligh, A. Sehl. Wiley. DOI: 10.1002/9781118841570.iejs0127

Salgado S., Strömbäck J. 2011. Interpretive journalism: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism*, 13(2): 144–161. DOI: 10.1177/1464884911427797

Shigaki K. 2025. Explanatory journalism in the digital age: Global practices and Japan's media landscape. メディア・コミュニケーション研究, 78: 1–31. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/repo/huscap/all/94449/ (accessed: April 13, 2026)

References

Burkova O.S. 2014. Explanatory journalism and its impact on image transformation political texts. *Sign: problematic field of media education*, 2: 91–94 (in Russian).

Vartanova E.L. 2024. Functions of Journalism: Traditional and New Approaches. *Lomonosov Journalism Journal*, 6: 3–30 (in Russian). DOI: 10.55959/ msu.vestnik.journ.6.2024.330

Vlasova E.G. 2022. The adaptive role of contemporary journalism and methods for its implementation: Based on the material of urban-oriented network media. Media Linguistics, 9(2): 113–125 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu22.2022.203

Korkonosenko S.G. 2009. Fundamentals of Journalism. Moscow, Aspekt Press, 318 p. (in Russian).

Medvedeva A.R. 2020. Explanatory journalism interface machines (on the example of meduza and vox). *Russian Journal of Media Studies*, 8: 71–86 (in Russian). DOI: 10.17223/26188422/8/5

Prokhorov E.P. 2011. Introduction to the Theory of Journalism: a Textbook for University Students. 8th ed., rev. Moscow, Aspekt Press, 351 p. (in Russian).

Svitich L.G. 2012. Introduction to the Speciality. Profession: Journalist. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Aspekt Press, 255 p. (in Russian).

Bartleman M., Dubois E., Macdonald I. 2024. A framework for examining hybridity: The case of academic explanatory journalism. Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies, 0(0). DOI: 10.1177/13548565241255044

Bradshaw P. 2023. The Online Journalism Handbook: Skills to Survive and Thrive in the Digital Age. London, Routledge, 362 p. DOI: 10.4324/9780429321566

De Assunção P.L. 2025. Jornalismo Explicativo: um Estudo a Partir de Reportagens do Nexo Jornal [Explanatory Journalism: a study from Nexo Jornal reports]. *Lumen et Virtus*, [S. l.], 16(45): 783–792. DOI: 10.56238/levv16n45-007

Djerf-Pierre M., Ekström M. 2025. Constructive Journalism as Practice—Storytelling in Solutions-Focused News Reporting in Mainstream News Media. *Journalism Practice*, 1–19. DOI: 10.1080/17512786.2025.2461213

Dwyer L., Crawford Ch., Zeller F. 2023. Media Framing of Dominant Ideologies in Explanatory Journalism Concerning Artificial Intelligence and Robotics. *Canadian Journal of Communication*, 48(4): 715–742. DOI: 10.3138/cjc.2022-0049

Fleerackers A., Riedlinger M., Bruns A., Burgess J. 2022. Academic explanatory journalism and emerging COVID-19 science: how social media accounts amplify The Conversation's preprint coverage. *Media International Australia*, 2022 Dec. 14: 1329878X221145022. DOI: 10.1177/1329878X221145022

Forde K.R. 2007. Discovering the explanatory report in American newspapers. *Journalism Practice*, 1(2): 227–244. DOI: 10.1080/17512780701275531

Heravi B. 2025. Exploratory and explanatory features in data storytelling: untangling the interplay and associations with linearity, interactivity, and structure. *Journal of Computational Social Science*, 8: 94. DOI: 10.1007/s42001-025-00407-6

Hudak J. 2016. Shining light on explanatory journalism's impact on media, democracy, and society. Brookings. URL: https://www.brookings.edu/articles/shining-light-on-explanatory-journalisms-impact-on-media-democracy-and-society/ (accessed: April 13, 2026)

Mann T.E. 2016. Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction. Brookings, February 29, 2016. URL: Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction | Brookings (accessed: April 13, 2026)

Moreno-Gil V., Ramon-Vegas X., Rodríguez-Martínez R., Mauri-Ríos M. 2023. Explanatory Journalism within European Fact Checking Platforms: An Ally against Disinformation in the Post-COVID-19 Era. *Societies*, 13(11): 237. DOI: 10.3390/soc13110237

Parisi P. 1999. Astonishment and understanding: On the problem of explanation in journalism. *New Jersey Journal of Communication*, 7(1): 44–64. DOI: 10.1080/15456879909367354

Salgado S. 2019. Interpretive journalism. Forms of Journalism. In: The international encyclopedia of journalism studies. Eds. T.P. Vos, F. Hanusch, D. Dimitrakopoulou, M. Geertsema-Sligh, A. Sehl. Wiley. DOI: 10.1002/9781118841570.iejs0127

Salgado S., Strömbäck J. 2011. Interpretive journalism: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism*, 13(2): 144–161. DOI: 10.1177/1464884911427797

Shigaki K. 2025. Explanatory journalism in the digital age: Global practices and Japan's media landscape. *Media and Communication Studies*, 78: 1–31 (in Japan). URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/repo/huscap/all/94449/ (accessed: April 13, 2026)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.04.2026
Поступила после рецензирования 15.07.2026
Принята к публикации 20.07.2026

Received April 15, 2026
Revised July 15, 2026
Accepted July 20, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болдина Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Boldina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.